

Балакирева Т.А.

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А.Р. БЕЛЯЕВА

Балакирева, Татьяна Андреевна — магистр культурологии, начальник Отдела образовательных программ по направлению философия Управления образовательных программ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, t.balakireva@spbu.ru.

В статье рассматривается проблема сохранения литературного наследия в сложные исторические периоды на примере творчества советского писателя-фантаста А.Р. Беляева, последний этап жизни которого выпал на начало Великой Отечественной войны и оккупацию г. Пушкин немецкими войсками. Проводится анализ исследований о литературной деятельности советских писателей во время Великой Отечественной войны, когда они были либо участниками военных действий, либо работали в тылу, в эвакуации. Приводится информация о деятельности писателей, оставшихся в блокадном Ленинграде. Исследуется подход А.Т. Твардовского к сохранению собственного архива. Характеризуется последний период жизни А.Р. Беляева. Проводится краткий анализ творчества автора, которое условно подразделяется на две группы: творчество на мировоззренческую тематику и творчество о первопроходцах. Высказано предложение по проектированию литературного музея, посвященного биографии и творчеству А.Р. Беляева.

Ключевые слова: Александр Романович Беляев, научная-фантастика, литературный музей, музейное дело, Великая Отечественная война, литературное творчество во время Великой отечественной войны.

ON THE ISSUE OF PRESERVING LITERARY HERITAGE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE CASE STUDY OF A.R. BELYAEV'S CREATIVE WORK

Balakireva, Tatiana Andreevna — Master of Cultural Studies, Head of the Department of Educational Programs in Philosophy, Directorate of Educational Programs, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, t.balakireva@spbu.ru.

The article aims to highlight the issue of preserving literary heritage during challenging historical periods, using the example of the creative work of Soviet science fiction writer A.R. Belyaev, whose final years coincided with the onset of the Great Patriotic War and the occupation of the city of Pushkin by German forces. Prior to examining Belyaev's biography, the study conducts a literature review on the literary activities of Soviet writers during the Great Patriotic War. During this period, writers either participated in military operations, worked in the rear, or were evacuated. The article provides insights into the activities of writers who remained in besieged Leningrad. It also explores A.T. Tvardovsky's approach to preserving his personal archive. Subsequently, a detailed account of the final period of A.R. Belyaev's life is presented. A concise analysis of the author's oeuvre is offered, conditionally divided into two categories: works addressing philosophical themes and works focusing on pioneers and

trailblazers. The article concludes by summarizing its findings and outlining prospects for the establishment of a literary museum dedicated to A.R. Belyaev's biography and creative legacy.

Key words: Alexander Romanovich Belyaev; science fiction; literary museum; museology; Great Patriotic War; Literary Creativity During the Great Patriotic War.

Сохранение памяти о подвигах предков—это одно из фундаментальных оснований общества. Современная культура в поисках собственной идентичности должна обратиться к вопросам сохранения мемуаров, дневниковых записей, переписки и других рукописных источников. Поэтому в данном исследовании хотелось бы проследить, как развивалось творчество литераторов, ставших свидетелями или участниками Великой Отечественной войны, и как происходило сохранение их архивов в военные годы. Мы исследуем литературу о деятельности писателей во время Великой Отечественной войны, приведем примеры продолжения литературной деятельности как на фронте, так и в тылу; проанализируем, каким образом авторы находили способы сохранения собственных архивов. В качестве ключевого примера обратимся к последней «главе» биографии советского писателя Александра Романовича Беляева (1884–1942), ведь последние годы его жизни связаны с тяготами нахождения в оккупированном Пушкине, что не только осложняло сохранение рукописей, но и фатально повлияло на формирование памяти о нем.

Во время Великой Отечественной войны привычный быт сменился на существование в условиях риска для жизни, условиях страха и необходимости обеспечить безопасность. Писатели СССР были вынуждены вместе со всей страной предстать перед лицом войны. Исследователь О.Д. Минаева пишет: «В первые же дни войны в дивизию народного ополчения вступили 82 члена и кандидата в члены Московской организации Союза писателей. Из писателей-москвичей сформировали отдельную роту»¹. В Москве, по словам исследователя, по состоянию на 25 июня 1942 г. находилось 333 писателя, из которых большая часть оставалась не на основной работе, часть была в рядах РККА, другие занимались переводами с иностранных языков, научно-исследовательской деятельностью, остальные же остались в городе в связи с тяжелым состоянием здоровья. С точки зрения призвания, литераторы не только не прекращали свою деятельность, но и перестроили ее с учетом потребностей военной поры. Они занимались прославлением подвигов героев, агитацией и пропагандой на страницах газет. «Среди постоянных авторов текстов—Д. Бедный, С. Кирсанов, С. Маршак, В. Лебедев-Кумач, С. Щипачев, А. Жаров. В работе принимали участие М. Алигер, Н. Адуев, А. Раскин, М. Слободской, П. Антокольский, М. Шульман, А. Машинистов»². В стихотворной форме поэты обличали преступления захватчиков и поднимали боевой дух народа. «Боль народная, гнев и ярость обретали художественное воплощение в творчестве балкарских поэтов. В первые же месяцы войны в республиканской периодической печати появились стихотворения ушедших на фронт Керима Отарова, Кайсына Кулиева, Азрета Будаева, Омара Этезова, Берта Гуртуева и др.»³,—пишет исследователь творчества региональных авторов А.И. Тетуев. Писатели-фронтовики не только работали над делом пропаганды

¹ Минаева О.Д. «Перо отвесчивает военной сталью». Литературная газета о писателях на войне (1941–1945 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 3. С. 126.

² Там же. С. 127.

³ Тетуев А.И. Деятельность советских писателей в формировании патриотизма в годы Великой Отечественной войны (на примере Кабардино-Балкарии) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2024. № 2 (65). С. 55–61. DOI: 10.25744/vestnik.2024.58.57.007

и в духоподъемном стиле. Они еще и занимались литературной критикой коллег, через которую обнажали новые проблемы раннесоветской литературы: так, отмечено, что война вывела на первый план вопросы любви и солдатской души, о которых ранее не было принято писать⁴.

В эвакуации оказались многие деятели эпохи Серебряного века: А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Пастернак. Они находились там в условиях общежития, временно размещенные в различного рода общественном жилье. Исследователь истории эвакуации Н. Громова указывает, что было две волны перемещений писателей в глубокий тыл: первая была хаотичнее, пришлось на начальные месяцы войны в условиях блокады Ленинграда и наступления немцев на Москву, что привело к принятию решений об эвакуации «здесь и сейчас»; вторая же волна — более поздняя — была более контролируемая и упорядоченная⁵. В первую волну переехала в Елабугу М. Цветаева, что, как указывает Н. Громова, стало роковым для ее судьбы. Во вторую же волну отправились в эвакуацию в Ташкент и Чистополь А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Толстой. Творчество в вынужденном изгнании расцвело иначе: удаленность от обеих столиц и путешествие в другой, уездный мир дало глоток свободы, спровоцировавший всплеск писательской активности. «Федин пишет там воспоминания о «Серапионовых братьях» — «Горький среди нас», Пастернак, хотя и занимается в основном переводами, начинает обдумывать «Доктора Живаго», внутренне уже нащупывая смысловые узлы начала века, как и Ахматова, которая пишет «Поэму без героя»⁶. Для детей писателей организуется интернат, в котором по очереди дежурят взрослые — сами писатели, ставшие им воспитателями. «Есть смешные истории про Пастернака, который с книжкой в спальне на 24 кровати якобы следит за порядком, а дети, как только выключается свет, начинают кидаться подушками, и Пастернак говорит: «Только не в меня!»⁷.

Конечно, условия жизни в эвакуации и прифронтовой полосе, на оккупированных территориях, в осажденном Ленинграде разнились. При исследовании способов существования и работы писателей нельзя не обратиться к трансформациям быта и мировоззрения, которые произвела над ленинградцами блокада. Уже в конце июля 1941 г. в Ленинграде осталось 158 писателей, по данным В.А. Антипиной⁸. Она же указывает, что осенью 1941 г. литераторы — как и другие горожане — стали страдать от голода, приводя в пример судьбу Вс. Вишневского, который с 1 декабря 1941 г. по 4 января 1942 г. находился на лечении от истощения 2 степени, авитаминоза и реактивного невроза. Из блокадного Ленинграда писатели могли уехать по Дороге жизни. Такой возможностью, пишет В.А. Антипина, воспользовался Ц. Вольпе, который, к сожалению, не достиг тыла, поскольку, по словам Корнея Чуковского, в пути был убит алчным шофером, польстившимся на шапку и большой чемодан. Оказалось, что в чемодане были рукописи, никакой ценности для шофера не представлявшие.

В конце зимы 1941–1942 гг. в ленинградском Доме писателя открывается лечебный центр для страдающих дистрофией. «За время работы стационара с 10 февраля по

⁴ Минаева О.Д. «Перо отсвечивает военной сталью». С. 136.

⁵ Бабицкая В. В эвакуации писатели встретились со своей страной. Интервью с Н. Громовой. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://polka.academy/materials/681> (Дата обращения: 01.09.2025)

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей, 1930–1950-е годы. М., 2005. Электронный ресурс. Режим доступа: https://royallib.com/read/antipina_valentina/povsednevnyaya_gizn_sovetskih_pisateley_1930_1950_e_godi.html (Дата обращения: 01.09.2025)

5 апреля 1942 года в нем побывало 59 человек (33 мужчины и 26 женщин)», — приводит статистику В.А. Антипина⁹. В этот период Союз писателей организует именные и общие посылки с продовольствием и медикаментами, посылки доставляются самолетами и сбрасываются на территорию города. С осени 1942 г. доставка продуктов стабилизировалась, и обстановка улучшилась: так, уже в 1943 г. обед в Доме писателя состоял из супа-бурды и второго, которое потом в блокадном фольклоре получит название «писательские косточки». Писатели блокадного Ленинграда переносили голод и другие бытовые трудности вместе с остальным населением, оставшимся в блокадном городе.

Говоря о способах существования литераторов, о путях сохранения писательского дара во время войны, нельзя не упомянуть А.Т. Твардовского. Этот автор не только создал одного из самых знаковых персонажей военной литературы — Василия Теркина, но и оставил большой пласт архивной информации о том, как осуществлялось творчество, о своих реакциях на происходящие события в своей Автобиографии¹⁰, в двухтомном «Новомирском дневнике»¹¹. Автобиография написана для сборника подобных текстов советских писателей. В ней автор описывает события своей жизни, не заикливаясь особенно на участии в военных действиях. Однако мы обратим внимание, что осенью 1939 г. Александр Трифонович участвует в освободительном походе в Западную Белоруссию, затем в войне с Финляндией. Уже опытным военным Твардовский оказывается на фронте Великой Отечественной войны, о которой пишет: «... глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне с первых дней отличили ее от каких бы то ни было иных войн, и тем более военных кампаний»¹². Двухтомный «Новомирский дневник» раскрывает перед читателем отчасти дневниковые записи, отчасти заметки поэта с набросками будущих стихотворений периода послевоенного, но все размышления писателя-фронтовика так или иначе приводят его к переосмыслению пережитого во время войны. «Вчера была годовщина начала войны. Почти четверть века назад было такое же, как вчера, утро под Звенигородом, я сидел над уже задуманным, но очень туго шедшим «Теркиным», — подумать, что осуществлением этой вещи я обязан этой ужасной войне. Но тем, что пережил эту ужасную войну, я обязан «Теркину»¹³. Литература, как показывает эта цитата, помогала пережить войну не только читателям, но и авторам. Однако пережить ее удалось не всем...

А.Р. Беляев встречает начало Великой Отечественной войны в состоянии восстановления после операции на почках в своей квартире в городе Пушкин¹⁴. На протяжении всей своей жизни с 1884 по 1942 гг. он боролся с туберкулезом спинных позвонков, что стало причиной долгого пребывания в гипсовом корсете и лежачем положении. В газете «Большевицкий листок», вышедшей 26 июня 1941 г., А.Р. Беляев писал: «Труд создает, война разрушает. Нам навязали войну-разрушительницу. Что ж? Будем разрушать разрушителей. Наша армия докажет врагу, что рабочие и крестьяне, из которых она состоит, умеют не только строить заводы и фабрики, но и разрушать «фабрики войны»¹⁵. На

⁹ Там же.

¹⁰ Твардовский А.Т. Автобиография. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://smolensklib.ru/tward2/node/95> (Дата обращения: 01.09.2025)

¹¹ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. В 2 т. М., 2009.

¹² Твардовский А.Т. Автобиография.

¹³ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т.1. М., 2009. С. 349.

¹⁴ Орлов О. А.Р. Беляев. Биографический очерк. Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/beljaew_a_r/text_1964_a_r_belyaev.shtml (Дата обращения: 01.09.2025)

¹⁵ Цит. по: Орлов О. А.Р. Беляев. Биографический очерк.

этот момент уже написаны все произведения, которыми Александр Романович известен и поныне: «Голова профессора Доуэля» — выходил в периодических изданиях, начиная с 1924 г.; «Остров погибших кораблей» — с 1926 г.; «Последний человек из Атлантиды» — с 1926 г.; «Борьба в эфире» — с 1927 г.; «Человек-амфибия» — с 1928 г.; «Подводные земледельцы» — с 1930 г.; «Звезда КЭЦ» — с 1936 г.

Его дочь в своих воспоминаниях отмечает, что к началу войны семья Беляевых состояла из четырех человек: Александр Романович (отец), Маргарита Константиновна (мать), Эльвира-Иоанетта Юрьевна (бабушка) и она, Светлана Александровна, проживая в Пушкине в пятикомнатной квартире по улице Жуковской¹⁶. Она пишет, что упростила родителей не отправлять ее в эвакуацию, поскольку находилась на стадии восстановления после туберкулеза коленного сустава, не могла передвигаться самостоятельно и нуждалась в семье. Потом Ленинградское отделение Союза писателей предлагало А.Р. Беляеву эвакуироваться всей семьей, но Маргарита Константиновна была против, так как отец был после операции, а Эльвира-Иоанетта Юрьевна страдала от сердечного заболевания, и везти семью в неизвестность, когда из здоровых в ней только один человек, было опрометчиво.

Когда начались бомбежки, часть из них семья пережидала в квартире, но при отступлении Красной армии 17 сентября 1941 г. из Пушкина было принято решение переместиться в «щель» — так называли бомбоубежище. Семья, собираясь впопыхах, оказалась в укрытии без съестного, Маргарита Константиновна отправилась в квартиру, чтобы взять сухарей и воды. Выйдя из укрытия, она обнаружила в воронке неразорвавшийся снаряд, перешагнула через него и отправилась в квартиру. Вскоре после ее возвращения в «щель», там появились немецкие солдаты. Они пытались найти русских военных, но увидели только мирных жителей, укравшихся от бомбежки.

Потом семья перешла из «щели» в дом Кокорева на Московской улице, там было уже много жителей Пушкина. Через несколько дней пребывания там, немецкие солдаты увели тех, кто был признан евреями. После этого семья вернулась в свою квартиру, где уже не работал водопровод, поэтому единственной здоровой из всех, Маргарите Константиновне, по несколько раз в день приходилось ходить на пруд за водой. Эльвира-Иоанетта Юрьевна вынуждена была стать поварихой на немецкой полевой кухне, благодаря чему семья все еще продолжала балансировать между голодной смертью и жизнью — бабушка приносила с кухни в дом суп и картофельные очистки. И все же голод не давал покоя. От недоедания усугублялись болезни и без того нездоровых членов семьи, поэтому было принято решение отправиться к доктору, который в такое тяжелое время продолжал принимать больных. Дома остались Света и Александр Романович. Сразу после ухода женщин в дверь постучались и в квартире появился немецкий солдат. Он задавал вопросы, видимо, пытаясь найти повод для обыска. Девочка как могла объяснила ему, что она одна рядом с больным отцом, что он писатель. Солдат постоял немного и вышел. Биограф А.Р. Беляева отмечает, что в этот момент «исчезает папка с документами. Немцы роются в книгах и бумагах Беляева»¹⁷.

После этого случая следующими гостями семьи Беляевых стали выпускник еще до-революционного Петербургского университета, историк, профессор С.Н. Чернов с сыном. Неизвестно как Александр Романович познакомился с профессором, но этот вечер

¹⁶ Беляева С.А. Семейная сага фантаста Беляева. М., 2014.

¹⁷ Орлов О. А.Р. Беляев. Биографический очерк.

они провели вместе и даже выяснилось, что Чернов младший увлекается творчеством Беляева.

Жизнь в оккупированном Пушкине для местных жителей зимой 1941–1942 гг. была чрезвычайно тяжела. После отключения водопровода перестала работать и канализация, и жители Пушкина стали уходить с обжитых мест. Соседи снизу, покидая квартиру, оставили Беляевым бочонок квашеной капусты, что, в конечном счете, помогло выжить только женщинам. 6 января 1942 г. Александр Романович умер от голода. Организовать похороны зимой, когда во всем Пушкине осталась одна лошадь, а на руках тело не донести до кладбища, потому что оно далеко, не получилось. Тело было привезено и передано коменданту кладбища, который пообещал, что оно будет захоронено рядом с телом профессора Чернова позднее, а пока оно будет «ждать» своей очереди в склепе.

Тяготы семьи писателя продолжились и после его кончины. Всем жителям оккупированного Пушкина предписано было пройти регистрацию в Городской управе. Оставшихся в живых женщин семьи Беляевых занесли в список лиц нерусской национальности, потому что Эльвира-Иоанетта Юрьевна назвалась шведкой. Лицам нерусской национальности надлежало, согласно немецкому распоряжению, покинуть Россию и пройти через концентрационные лагеря. 6 февраля 1942 г. они покинули Пушкин и были вынуждены пройти через пять лагерей в Пруссии, Померании и Австрии. После Победы женщины вернулись в Россию, но были отправлены на 11 лет в ссылку.

Гибель А.Р. Беляева в оккупированном нацистами Пушкине и последующие злоключения членов его семьи, по-видимому, не могли не отразиться на сохранности архива писателя. Однако нельзя с точностью сказать, имело ли место исчезновение каких-то рукописей зимой 1941–1942 гг., в каком объеме, или вообще ничего не пропало, поскольку свидетельства биографов отличаются. Историческая ситуация, стечение обстоятельств, в которых оказался А.Р. Беляев и его литературное наследие ставят перед исследователем большое количество вопросов: начиная с проблематизации статуса культурной ценности не известных науке рукописей, заканчивая перечнем практических действий по сохранению бумажных носителей информации.

Оставляя в стороне вопрос о возможных утраченных рукописях писателя-фантаста, постараемся обозначить, что именно представляет собой дошедшее до XXI века литературное наследие А.Р. Беляева, какую ценность имеют его произведения в современности, через почти сто лет после их написания.

Литературное наследие А.Р. Беляева можно условно разделить на два больших блока: произведения, включающие мировоззренческую тематику (например, «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия»), и сочинения о первопроходцах в науке и технологиях (такие как, «Подводные земледельцы» или «Звезда КЭЦ»). Романы и повести, условно причисляемые нами к первому блоку, говорят по большей части о проблемах лишних субъектов. Писатель связывает свой интерес к подобной тематике с тем, что он, будучи прикованным к постели в течение долгого времени, чувствовал себя «головой без тела»¹⁸. Второй блок сочинений связывается автором с научно-популярной деятельностью. «Привлечь внимание к большой проблеме — это важнее, чем сообщить ворох готовых научных сведений. Толкнуть же на самостоятельную научную работу — это лучшее и большее, что может сделать научно-фантастическое произведение», — пояснял А.Р. Беляев рефлексирова о собственном творчестве¹⁹.

¹⁸ Беляев А.Р. О моих работах // *Детская литература*. 1939. № 5. С. 23–25.

¹⁹ Там же. С. 25.

Кроме того, что произведения писателя поднимают такие важные для развития науки и общественной жизни темы, хочется обратить внимание еще и на архетипичность образов некоторых главных героев. Так, в современности слово «ихтиандр» часто используется в просторечье для обозначения человека, который хорошо плавает, тогда как это — имя главного героя романа «Человек-амфибия». Образ головы без тела, придуманный А.Р. Беляевым в качестве героя романа «Голова профессора Доуэля», также укоренился в современной культуре. Примеры можно обнаружить в американском научно-фантастическом сатирическом мультсериале для взрослых «Футурама». События сюжета разворачиваются в Новом Нью-Йорке в XXXI веке, где есть музей голов — там находятся головы знаменитых личностей прошлого, которые могут общаться с окружающим миром, так как технологии их хранения достигли такого уровня.

Таким образом, творчество А.Р. Беляева остается актуальным в современном культурном контексте.

Исследование, проведенное нами в данной статье, показывает, что способы сохранения литературного наследия во время Великой Отечественной войны отличались. Мы указали три полярных примера. История Ц. Вольпе, убитого из-за алчности и с целью наживы за чемодан, в котором он вез рукописи. Труд А.Т. Твардовского, который кропотливо вел свои тетради и сам хранил рукописи, дошедшие в итоге до наших современников и изданные. И ситуация с рукописями А.Р. Беляева: те, что были при нем, на момент оккупации Пушкина имеют неясную судьбу, поскольку свидетельство дочери не подтверждает, что рукописи были изъяты, а биограф О. Орлов, наоборот, указывал на это. В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга в личном фонде А.Р. Беляева (Р-215), согласно Описи 1, содержится 13 дел:

1. «Звезда КЭЦ». Роман часть 1. Машинопись с авторской правкой. Опубл. М.-Л., 1936.
2. «Звезда КЭЦ». Роман часть 2. Машинопись с авторской правкой. Опубл. М.-Л., 1936.
3. «Звезда КЭЦ». Роман. Фрагменты. Вариант главы 9-ой.
4. «Звезда КЭЦ». Роман. Фрагменты. Варианты глав 13-ой и 14-ой.
5. «Звезда КЭЦ». Роман. Фрагменты.
6. «Когда погаснет свет». Киносценарий. Машинопись с авторской правкой. Опубл. «Искусство кино», 1960 г. № 9.
7. «Когда погаснет свет». Киносценарий. Вариант. Машинопись с авторской правкой.
8. Переписка Беляева А.Р. с Циолковским К.Э. Машиноп. копии.
9. Письмо Беляева А.Р. Сокольскому А.З. — сотруднику журнала «Вокруг света».
10. Фотографии Беляева А.Р.
11. Групповые фотографии с Беляевым А.Р.
12. Свидетельство о рождении Беляева А.Р. Подлинник.
13. Визитные карточки Беляева А.Р.

Среди дел есть и те, что отнесены архивистами к 1941 г. (Д. 6, 7, 9). Возможно, это именно то, что удалось спасти после его смерти и ухода оккупантов из Пушкина. Этот сюжет требует дальнейшего изучения. Неизвестным остается, были ли изъяты какие-то рукописи немецкими военными или нет. Другой проблемой для исследователей творчества А.Р. Беляева является то, что в современной России до сих пор не существует ни одного литературного музея, посвященного этому писателю. Есть лишь памятные таблички на домах, где он проживал в Пушкине и Смоленске. Представляется, что проектирование

подобного музея могло бы проиллюстрировать разносторонне развитую личность и интереснейшую биографию Александра Романовича, его романы, герои которых стали архетипическими в современной культуре.

Список литературы

Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей, 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. 408 с. Электронный ресурс. Режим доступа: https://royallib.com/read/antipina_valentina/povsednevnyaya_gizn_sovetskih_pisateley_1930_1950_e_godi.html (Дата обращения: 01.09.2025).

Бабицкая В. В эвакуации писатели встретились со своей страной. Интервью с Н. Громовой. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://polka.academy/materials/681> (Дата обращения: 01.09.2025).

Минаева О.Д. «Перо отсвечивает военной стали». Литературная газета о писателях на войне (1941–1945 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 3. С. 126–142.

Орлов О. А.Р. Беляев. Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/beljaew_a_r/text_1964_a_r_belyaev.shtml (Дата обращения: 01.09.2025).

Тетюев А.И. Деятельность советских писателей в формировании патриотизма в годы Великой Отечественной войны (на примере Кабардино-Балкарии) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2024. № 2 (65). С. 55–61. DOI: 10.25744/vestnik.2024.58.57.007.

References

Antipina V. A. Povsednevnaia zhizn sovetskikh pisatelei, 1930–1950-e gody [Daily life of Soviet Writers, 1930s–1950s]. Moscow: Molodaya gvardiia, 2005. 408 p. https://royallib.com/read/antipina_valentina/povsednevnyaya_gizn_sovetskih_pisateley_1930_1950_e_godi.html (In Rus.).

Babitskaia V. V evakuatsii pisateli vstretilis so svoei stranoi. Interviu s N. Gromovoi [During the Evacuation, the Writers Met with their Country. Interview with N. Gromova.]. <https://polka.academy/materials/681> (In Rus.).

Minaeva O.D. «Pero otsvechivaet voennoi staliu». Literaturnaia gazeta o pisateliakh na voine (1941–1945 gg.) [“The feather glows with military steel.” Literary newspaper about writers at war (1941–1945)]. In Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 10: Zhurnalistika. 2011. № 3. P. 126–142. (In Rus.).

Orlov O. A.R. Beliaev. http://az.lib.ru/b/beljaew_a_r/text_1964_a_r_belyaev.shtml (In Rus.).

Tetuev A.I. Deiatelnost sovetskikh pisatelei v formirovanii patriotizma v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Kabardino-Balkarii) [The Activity of Soviet Writers in the Formation of Patriotism during the Great Patriotic War (on the Example of Kabardino-Balkaria)]. In Vestnik Akademii nauk Chechenskoii Respubliki. 2024. № 2 (65). S. 55–61. DOI: 10.25744/vestnik.2024.58.57.007. (In Rus.).